

0724917-1

РОССИЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ДРУЖБЫ НАРОДОВ

Диссертационный совет Д 212.203.03

На правах рукописи

ГРЕБЕНИЧЕНКО
Сергей Федорович

**ЭВОЛЮЦИЯ ВЛАСТНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ПРОМЫСЛОВОЙ СФЕРЫ СЕЛА В 1920-е ГОДЫ
НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ЗАКОНОВ И НОРМАТИВНЫХ АКТОВ**

**Специальности: 07.00.02 - Отечественная история,
07.00.09 - Источниковедение, историография
и методы исторического исследования**

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

**Москва
2001**

Работа выполнена в Центре «Историческая информатика и источниковедение XX века» Института российской истории Российской академии наук и на кафедре истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов.

Официальные оппоненты:

доктор исторических наук, профессор
Ионичев Николай Павлович

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
КФУ

доктор исторических наук, профессор
Романовский Николай Валентинович

доктор исторических наук, профессор
Сенченко Иван Андреевич

Ведущая организация:

Российская академия государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Защита состоится «21» июня 2001 г. в 14 часов на заседании
Диссертационного совета Д 212.203.03 Российского университета дружбы народов по
адресу: 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6, ауд. 203.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке
Российского университета дружбы народов.

Автореферат разослан «16» мая 2001 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

A handwritten signature in black ink, appearing to read 'Саврушева' (Savruseva).

К. И. Саврушева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ДИССЕРТАЦИИ

Актуальность темы исследования.

Историкам принадлежит важная роль в познании закономерностей общественного развития, установлении объективных факторов и причинно-следственной связи событий. Перед историей стоят **актуальные** задачи по повышению уровня исследований. Важной предпосылкой этого является расширение и совершенствование *источниковедческой и методолого-методической базы* исторических работ, разработки новых методов обработки, анализа и синтеза конкретно-исторических данных за счет достижений исторической и других - смежных с ней - наук. Историков все чаще не удовлетворяют примерные оценки явлений и процессов, гипотетические суждения об их сущности, носящие описательный характер. Один из **актуальных** путей преодоления описательности в исторических исследованиях, *в русле которого находится настоящая диссертация*, связан с использованием математических моделей, статистических методов и средств современной информатики, позволяющих раскрыть количественную меру исторических явлений и процессов, дать более точное и логически строгое выражение их характеристик.

История властного регулирования промысловой сферы села является одним из **актуальных** участков современной исторической науки.

Актуальность связана, прежде всего, с тем, что промысловая эволюция до сих пор крайне мало изучена в историографии. Между тем, управляемые властью промыслы в 1920-е гг. являлись той сферой, в которой создавались значительные (от 20 % до 70 % по различным отраслям) объемы промышленной, экспортной и потребительски значимой продукции, сферой, в которой господствовали товарно-рыночные отношения, сферой, с которой была связана жизнедеятельность миллионов крестьянских семей и которая в значительной мере объективно определяла облик и хозяйственную судьбу страны. Государственно руководимая модернизация традиционного облика промысловой сферы в значительной мере открыла путь к технологическому скачку Советской России (СССР), ликвидировавшему разительное отставание страны в области техники и промышленного развития к началу немецко-фашистской агрессии в 1941 г. Диссертация посвящена комплексному исследованию зарождения и укрепления управленческого механизма развития промысловой сферы народного хозяйства, которой в будущем - вплоть до начала 1960-х гг. - предстояло сыграть важную экономическую роль в развитии СССР.

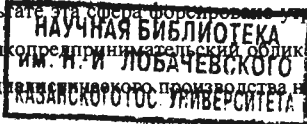
Актуальность темы диссертации состоит и в том, что в историографии проблема исследования эволюции властного регулирования промысловой сферы на основе анализа всего комплекса законов и нормативных актов, действовавших в

1920-е гг., еще не ставилась. Между тем, именно законы и нормативные акты выполняли основную ролевую функцию властного регулирования, поскольку именно в них содержались нормы, которые закрепляли правовую букву, политическую волю и механизмы повседневной практики управления промысловой сферой.

Актуальность темы исследования предопределена и тем, что изучение исторического опыта властного управления промысловой эволюцией в 1920-е гг. создает основу для совершенствования уровня политико-правового регулирования сферы мелкого предпринимательства в современной России. Изучение и осмысление исторического опыта нашей страны по регулированию и преобразованию промысловой сферы и освещение роли и места в этом процессе властно иницируемых правовых норм и политических мер *актуально* в плане познания закономерностей управляемого развития мелкого предпринимательства и определения перспектив этого развития не только для современной России, но и для ряда бывших социалистических стран.

Хронологические рамки исследования.

Диссертация охватывает десятилетний период властного регулирования промысловой сферы села: с января 1920-го г. по декабрь 1929-го г. Нижняя граница этих рамок связана с появлением в 1920-м г. целой серии первых законодательных актов о регулировании промыслов, которые предполагали развертку в виде подзаконных нормативных актов, содержали централизованный механизм по их управленческому исполнению, прописывали иерархию ответственности и контроля за вводимые нормы. До этого, с ноября 1917 г. по декабрь 1919 г., были изданы лишь два декрета, касающиеся промыслов. Они не предполагали развертку в виде циркуляров и постановлений, т. е. не предусматривали никакого подзаконного толкования и поэтому не могли являться руководством в деле систематического воздействия на промыслы. Эти два декрета в условиях гражданской войны оставались, по сути, лишь политическими декларациями. Неслучайно на местах их правовая буква искажалась. В целом они так и не стали отправными документами в деле создания и систематического развития политико-правового механизма управления промысловой эволюцией. Фактически этот механизм начал продуманно создаваться только с 1920-го г. Верхняя граница хронологических рамок диссертации связана с введением к концу 1929 г. комплекса запретительно-ограничительных норм, которые придали политико-правовому механизму управления промысловой сферой такой характер, который полностью подрывал условия воспроизводства частнохозяйственной инициативы. В результате эта сфера формирования утрачивала свою отличительную черту - преимущественно мелкопредпринимательский облик - и растворялась в индустриальных и колхозных формах социального производства на селе.

Степень изученности проблемы.

Степень изученности эволюции регулирования промысловой сферы села в 1920-е годы, в отличие от исследованности проблем властного управления другими социально-экономическими сферами (промышленной, сельскохозяйственной, транспортной и т. д.), является на настоящий момент не очень высокой. Между тем, определенные научные разработки проблем властного воздействия на промыслы все же периодически проводились, начиная с 1920-х годов. Анализ научной литературы свидетельствует о том, что развитие проблемной историографии проходило четыре этапа: первый - 1920-е - середина 1930-х годов, второй - середина 1930-х годов - середина 1960-х годов, третий - середина 1960-х годов - конец 1980-х годов, четвертый - с начала 1990-х годов до настоящего времени.

Авторы работ 1920-х - первой половины 1930-х годов являлись очевидцами или непосредственными участниками властного переустройства промысловой сферы на социалистическую основу. Это обстоятельство обусловило характер книг, брошюр и статей, вышедших в то время, в которых попытки исторического анализа, отдельные обобщения сочетались с выработкой практических рекомендаций для нужд государственного управления, с популяризацией достижений власти в руководстве кооперативным строительством, во временном использовании и затем в ограничении хозяйственной инициативы частных лиц (это - публикации И. С. Кондурушкина, О. Купермана, Ю. Ларина, В. Фейгина и др.). Однако издавались и работы, в которых критически оценивалось административное вмешательство местных партийных и советских органов в процессы промыслового развития, но подчеркивалась необходимость создания властью политических условий и правовых регуляторов для стабильности такого развития (В. С. Антропов, А. А. Рыбников и др.).

В целом период 1920-х - начала 1930-х годов явился временем первых теоретических обобщений в изучении деятельности власти по регулированию сферы промыслов. С одной стороны, исследователями признавалась огромная народнохозяйственная значимость этой сферы и, следовательно, особый властный интерес к ней, с другой же, - подчеркивалось, что эта роль временна, она перестанет себя проявлять по мере полного растворения промыслов в крупных индустриальных формах производства на селе. Большая часть исследователей утверждала, что политика диктатуры и ее хозяйственное законодательство являлись доминирующим фактором промысловой эволюции в 1920-е гг. Наиболее важными проблемами анализа были:

- ◊ меры властного воздействия на частное посредничество в сельском кустарно-ремесленном производстве;
- ◊ борьба с «капитализацией» промыслов и «теневым» сектором в мелкой промышленности;

◊ классово дифференцированный подход диктатуры к воздействию на различные социально-экономические группы промысловых заведений;

◊ руководящая роль государства в росте производственного кооперирования промысловиков;

◊ совершенствование кооперативного законодательства;

◊ региональная и отраслевая специфика реализации кооперативной политики в кустарно-ремесленном производстве.

Был поставлен вопрос о периодизации государственного регулирования промысловой сферы. Точкой отсчета в складывании такого процесса регулирования большинством признавался конец гражданской войны, а, например, С. П. Серeda прямо называл дату - начало 1920/21 операционного хозяйственного года. В самом регулировании выделяли следующие периоды: «военный коммунизм»; затем нэп, который, по мнению одних исследователей (например, И. Кондурушкина), был свернут властью в 1924 г., по мнению других (Ю. Ларина, О. Купермана), - в 1926 г.; после нэпа начался период индустриализации и полного обобществления промысловой сферы (так считали О. Куперман, В. Фейгин, Б. Бруцкус), который закончился либо к 1932/33 г., как полагал В. С. Добронравов, либо уже к концу 1920-х гг., когда, по мысли Б. Бруцкуса, бывшая роль промыслов, растворенная в социалистической индустрии, уже себя значимо не обнаруживала.

С середины 1930-х годов вплоть до середины 1960-х годов наблюдается резкое сокращение количества работ, посвященных властному воздействию на сельские промыслы. Главным обстоятельством такой ситуации являлись идеологические приоритеты, оформившиеся к концу переходного к социализму периода и долгие годы господствовавшие в советской историографии. В соответствии с этими приоритетами, анализ проблем государственного и партийного руководства социально-экономическими процессам в 1920-е - первой половине 1930-х годов стал осуществляться преимущественно в двух ключевых, но напрямую несвязанных направлениях. С одной стороны, историки-аграрники углубленно анализировали руководящую роль партии и правительства в преобразовании села, прежде всего, под углом зрения вызревания предпосылок и реализации ленинского кооперативного плана. Этот план в историографии вплоть до 1960-х гг. в основном сводился к идее коллективизации сельского хозяйства. С другой стороны, историками рабочего класса разрабатывались проблемы роли и места рабочего класса в закономерном изменении социальной структуры советского общества, роста его производственного потенциала, качественных сдвигов в его облике и составе, изменений в уровне сознательности, сплоченности, политической активности. Особое пристальное внимание уделялось изучению диалектики взаимоотношений власти и рабочего класса, направляющей роли партии и государства в индустриализации фабрично-заводской

промышленности. Между этих господствовавших направлений научного поиска самостоятельного места проблематике регулирования промыслов не отводилось. К ней обращались только в тени передовых магистралей исследований - властно руководимых индустриализации промышленности и коллективизации сельского хозяйства. Таким образом, управление промысловым развитием рассматривалась либо как частное проявление управляемого преобразования промышленности (так считали исследователи - В. А. Десятчиков, П. М. Понамарева, Н. Я. Воробьев), либо как составная часть властного переустройства села на социалистических началах (об этом писал, например, П. И. Яковлев).

Во второй половине 1960-х гг. начался третий период развития проблемной историографии властного руководства преобразованием промысловой сферы. Он характеризовался усилением внимания ученых к разработке этой темы. Если раньше тему изучали «не-историки», т. е. экономисты, правоведы, статистики, практики кооперативного строительства, идеологические работники, то теперь вплотную анализом занялись профессиональные историки. За счет их трудов расширился круг исследовательских проблем, пересматривался ряд ранее выработанных положений, в частности, изживалось упрощенное толкование «ленинского кооперативного плана», как властно реализовывавшейся программы социалистического преобразования исключительно сельского хозяйства.

В целом вторая половина 1960-х - 1980-е годы в развитии проблемной историографии явились наиболее активным периодом изучения властного регулирования промысловой сферы в 1920-е гг. Среди его сущностных характеристик следует отметить: расширение источниковой базы исследований за счет активного привлечения, прежде всего, делопроизводственной документации, статистических данных, документов партийных организаций; возрастание исследовательского интереса к нормативным актам; рассмотрение проблем управления и регулирования в динамике; появление коллективных трудов. Наиболее значимыми проблемами исторического анализа являлись:

- ♦ создание и совершенствование структуры управления и регулирования сельским кустарно-ремесленным производством;
- ♦ изменение политико-экономической «природы» кооперации;
- ♦ правовые условия развития «внутрикооперативной демократии»;
- ♦ «направляющая роль» партии в деятельности кооперации и хозяйственных органов в промыслах;
- ♦ управляемое изменение «двойственной» социальной природы и психологии кустарей и ремесленников;
- ♦ налоговая политика государства в промысловой сфере;

- ◇ борьба ведомств за овладение частным рынком кустарной продукции;
- ◇ меры по ускорению производственного кооперирования в промыслах.

Применительно к анализу этапов регулирования промысловой сферы историки придерживались устоявшихся хронологических рамок общей периодизации развития советского общества в 1917-й - 1930-е гг. Управляемый диктатурой процесс кооперирования рассматривался большинством исследователей, как главенствующая закономерность среди сущностных характеристик развития промыслов в 1920-е гг. Очень важно, что в историографии конца 1960-х - 1980-х годов была поставлена краеугольная проблема об эффективности нормотворческого воздействия политической системы на характер эволюции сельского кустарно-ремесленного производства и темпы его социалистического переустройства.

С начала 1990-х годов в условиях изменений политического и социально-экономического устройства страны начался новейший период изучения опыта властного воздействия на промысловую сферу. Главной отличительной чертой этого периода является обращение к исследователями к прежде идеологически «запретным» аспектам анализа: репрессивной политике по ущемлению прав мелких производителей и торговцев (В. И. Тихонов, В. С. Тяжелыникова, И. Ф. Юшин), роли общинных традиций в артельном движении 1920-х гг. и их превалировании над идеологемами «направляющей роли» партии в жизни низовой кооперации (В. В. Кабанов), ненаучности и отсутствии в реальной практике 1920-х гг. «ленинского кооперативного плана» (Ким Чан Чжин), об альтернативах официальному курсу управления и развития промысловой сферы в 1920-е гг. (С. Ф. Гребениченко). Среди других черт новейшего периода развития проблемной историографии - мобилизация ранее мало используемых исторических источников, опора на эмпирическое знание, привлечение новых методологически значимых теорий, активная разработка оригинальных принципов и технологий анализа, междисциплинарный подход к историческим вопросам управления.

В целом анализ научных разработок 1920-1990-х годов, касавшихся проблем регулирования жизнедеятельности многомиллионных крестьянских промыслов в переходный период, свидетельствует об очевидных достижениях историков. Между тем, обращает на себя внимание то, что на настоящий момент в историографии не сложилась устойчивая традиция исследования эволюции властных притязаний к промысловой сфере и управления ее процессами. Главная причина этого, на наш взгляд, кроется в неразработанности подходов и методов анализа такого, безусловно, массового источника, каким являются законы и нормативные акты 1920-х гг. Однако, именно их полная совокупность представляет то информационное поле, которое позволяет поставить и решить важные проблемы управляемого развития и переустройства обширнейшей промысловой сферы. Обращение к некоторым, пусть и клю-

чевым законам и нормативным актам сегодня уже является не достаточно продуктивным при исследовании закономерностей властного воздействия на промыслы.

Кроме того, в историографии еще не достаточно изучены социальный фон и причины особых властных интересов в промысловой сфере, не обоснованы однозначные границы последней. В такой связи заметим, что каждый исследователь, оперировавший понятием «сфера промыслов», вкладывал в него свое толкование: одни - только организованные формы сельской мелкой (доцензовой) промышленности (например, А. И. Бузлаева, О. Куперман, П. И. Василевский, В. Фейгин), другие - подсобные несельскохозяйственные занятия крестьянства (например, В. С. Антропов, В. П. Дмитренко, В. В. Гузик, А. А. Рыбников), третьи - товарные виды кустарно-ремесленного производства (например, Н. Я. Воробьев, Е. Г. Гимпельсон, А. Ф. Чумак, А. А. Николаев), четвертые вообще не ставили задачу определиться в используемом понятии и, стало быть, его отражающих статистических данных (например, И. С. Кондурушкин, Л. Ф. Морозов, В. И. Погудин, В. М. Селунская, А. П. Степин). Отсюда - и разночтения у разных специалистов в объемах промысловой продукции и в числе лиц, занятых промысловым трудом.

Анализ литературы показывает, что историки в настоящее время вплотную подошли к необходимости постановки и решения совокупности проблем, связанных именно с *внутренней логикой* неоднозначно эволюционировавшего в 1920-е гг. управления социально-экономическими процессами на селе в целом и в промыслах, в частности. Раннее традиционный подход - властное регулирование являлось смещенной во времени прямой производной от предшествующей (конкретному моменту) динамики управляемого процесса, - будучи до сих пор так и не обоснованным, по всей видимости, уже устарел.

Близко к проблеме логики управляемого развития промыслов находится часто поднимавшийся в исторической литературе вопрос периодизации воздействия диктатуры на село в 1920-е гг. Как правило, исследователи распространяли устоявшиеся в историографии хронологические рамки периодов развития общества (военный коммунизм, нэп и т. д.) на политику в области мелкого промышленного производства, «интуитивно» улавливая лишь отраслевую (отличную *от общего*) специфику этих периодов в промысловой сфере. Представляется, что это не совсем так. Однако, выяснить последнее возможно лишь в контексте обращения ко всему массиву законов и нормативных актов властного воздействия на промысловую сферу, разработки на их основе формализованной процедуры однозначного отнесения тех или иных отрезков правового регулирования к конкретным этапам с политически однозначным содержанием.

Как явствует из анализа литературы, крайне важно попытаться решить и другой вопрос - о долговременных факторах большевистской политики в сфере сельского мелкого произ-

водства. До сих пор исследователи вели речь лишь о наличии одного-двух объективных факторов, определявших в целом политическую линию диктатуры в деревне, при этом упоминались прежде всего такие: постулаты коммунистической доктрины; обострение классовой борьбы по мере социалистического строительства; реальные преимущества крупных механизированных форм хозяйствования перед мелкими.

При этом историки обычно исходили из своего собственного понимания канвы событий, интуитивно вживались в источник, обобщали и строили пусть «скрупулезно добротные», но все же не верифицируемые, умозрительные конструкции факторов властного поведения в обществе. Между тем, нынешнее информационно-технологическое состояние исторического знания уже позволяет перейти от такого рода исследовательской лаборатории к работе на принципах базы формализованной текстовой информации и выработки на этой основе научно строгих процедур обнаружения действительно имевших место факторов экономической политики и властного нормотворчества.

Эвристическая работа с представительным банком актов документации органов власти и управления могла бы способствовать решению и иной очень важной проблемы, поставленной в 1990-е гг. в отечественной историографии, - альтернативности управления и социально-экономического развития промышленной сферы в переходный период. Очевидно, уже остро назрела необходимость перевода рассмотрения проблемы альтернатив властного регулирования из плоскости умозрительных конструкций и предположений в русло отражательного моделирования.

Цели и задачи работы.

Целевой аспект диссертационного труда вытекает из научной значимости темы, ее недостаточной - для современного уровня развития историографии - концептуальной, методолого-методической, источниковедческой и конкретно-предметной разработки.

Главная цель, которая ставится в исследовании - *разработка принципов, методов и приемов анализа* эволюции политико-правового регулирования промышленной сферы в 1920-е гг. *на основе законов и нормативных актов, рассматриваемых как массовый исторический источник*, применения системного подхода, современных информационных технологий, а также аппарата математического моделирования.

В плане реализации общей цели ставится ряд задач методологического, конкретно-методического и историко-информационного свойства:

♦ во-первых, выработать определение товарно-промышленной сферы, выявить социально-экономический фон и причины особого властного интереса к ней с начала 1920-х гг.;

◊ во-вторых, решить методологические и методические вопросы создания и использования банка информации на основе законов и нормативных актов о регулировании промыслов;

◊ в-третьих, разработать методы изучения логики и закономерностей управления промысловой сферой на принципах базы данных;

◊ в-четвертых, провести всестороннюю апробацию методов многомерного статистического анализа применительно к текстовой информации законов и нормативных актов для выявления скрытых факторов регулирования промысловой сферы; разработать методы исследования периодов властного воздействия на промыслы на основе банка информации;

◊ в-пятых, решить методологические и методические вопросы формализованного анализа альтернативности регулирования промысловой сферы на базе законов и нормативных актов.

Методологические основы исследования.

Диссертация представляет собой методолого-методическое и источниковедческое исследование и носит эвристический характер, поэтому вся работа связана с поиском - с поиском полного набора законов и нормативных актов по теме исследования, с поиском подходов, принципов и методов анализа документов, с поиском вариантов интерпретации результатов. Следует подчеркнуть, что в исследовании делается особый упор на технологии отбора и скрупулезном анализе законов и нормативных актов, на основе которых следует судить об эволюции политико-правового регулирования в 1920-е гг. Этим обусловлен и характер теоретико-методологических основ исследования.

Методологическая база диссертационного исследования включает в себя два синтезированных уровня - общий и частный.

Общий уровень представлен принципами материалистической диалектики. Их применение к изучению нормотворчества властей в сфере управления промысловым развитием предполагает раскрытие: объективной обусловленности возникновения и развития нормотворчества; его социальных функций и роли в управляемом развитии народнохозяйственных сфер; присущих ему закономерностей и специфических черт.

С точки зрения теории научных ценностей диссертация привержена лишь основанному на опыте - и в этом смысле позитивному - эмпирическому знанию. Гносеологически это подразумевает опору на систему социально значимых, подтверждаемых источниками фактов.

Системный подход выступает в роли частнометодологической концепции. Применительно к изучению макроуправления промысловой эволюцией системный подход характери-

зуется рядом черт. Он предполагает выявление характера и качественного своеобразия взаимосвязей между различными нормативными установками властей. Системный подход предусматривает типологизацию многих признаков, характеризующих различные аспекты правотворчества, на основе их реальной общности. Он подразумевает и вскрытие динамики системы властного воздействия, ее факторов, направленности мер систематического управленческого действия, поливариантности выбора пути развития системы регулирования.

В диссертации получили применение такие общесторические методы научного исследования, как историко-генетический (параграф 3 главы III, параграф 2 главы IV), историко-типологический (параграфы 1, 3 главы IV, параграф 2 главы V), историко-сравнительный (параграф 3 главы IV, параграф 3 главы V).

Огромные эвристические потенции демонстрируют и широко привлеченные математико-статистические методы. Математическое моделирование в дополнение к традиционным приемам анализа информации источников позволяет выработать более точные средства для исследования управленческих процессов в их исторической ретроспекции. Диссертант согласен с мнением И. Д. Ковальченко, что "взаимопроникновение, синтез конкретно-содержательного, гуманитарного и формально-логического, математического подходов - вот тот узел, искусство завязывания которого при прочих равных условиях обеспечивает успех в применении математических методов в исторических исследованиях"¹.

Понятийный аппарат исследования предопределен выбранными методологическими ориентирами и в тексте диссертации тесно увязан с конкретным анализируемым материалом исторических источников.

Источниковая база исследования.

Источниковую основу исследования составили, в первую очередь, официальные редакции *законов* и всевозможных *нормативных актов* государственных, хозяйственных и партийных органов, которые регулировали промысловую сферу в 1920-е гг. Полные тексты этих документов - а их оказалось более 1200 - были выявлены в «Собрание Законов», «Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства», других - тематических - сборниках материалов высших органов советской власти, коммунистической партии, общественных организаций (профсоюзов, кооперации, комсомола и др.), специализированных периодических экономических и юридических изданиях. Обращение к законам и нормативным актам на предмет изучения эволюции властного регулирования промысловой сферы является стержнем диссертации. На такой документальной основе, объединяющей многие разновидности актов органов власти (декреты, директивы, законы, инструкции, указы,

¹ Цит по: Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования. М., 1987. С. 324.

обращения, положения, постановления, правила, программы, приказы, разъяснения, распоряжения, резолюции, циркуляры, др.), последовательно решается цикл задач по мобилизации (формализации и агрегации в банке данных), анализу и синтезу массовой информации.

Помимо документов включенных в банк данных, в диссертации использовались и другие источники, которые по отношению анализу эволюции регулирования промышленной сферы на базе законов и нормативных актов играют сопровождающую роль. Это - комплексы массовой документации, всесторонне отражающие: во-первых, роль промышленной сферы в народном хозяйстве (статистические источники); во-вторых, процесс разработки, обсуждения и согласований законопроектов, ведомственную борьбу за ту или иную политическую линию в сфере сельского мелкого производства (делопроизводственная документация); в-третьих, социально-психологическое отношение деревенских кулаков и ремесленников к нормам властного регулирования их жизнедеятельности (письма селян в органы власти и редакции газет). Указанные источники разного вида и содержания были выявлены в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива экономики (РГЭ), Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИАДВ), Государственный архив Камчатской области (ГАКО), Государственного архива Приморского края (ГАПК), Государственного архива Хабаровского края (ГАХК), а также в статистических сборниках и периодических изданиях 1920-х годов.

Научная новизна исследования.

Труд являет собой конструктивно сориентированное на решение актуальной проблемы истории управления отечественной экономикой методолого-методическое и источниковедческое исследование, которое находится в русле нового направления историографии - *исторической информатики*¹. Диссертация развивает это новое направление, решает проблему

¹ Историческая информатика - это научная дисциплина, изучающая закономерности процесса информатизации исторической науки и образования; в основе исторической информатики лежит совокупность теоретических и прикладных знаний, необходимых для создания и использования в исследовательской практике машиночитаемых версий исторических источников всех видов. Область интересов исторической информатики включает разработку общих подходов к применению информационных технологий в исторических исследованиях; создание исторических баз и банков данных; применение информационных технологий представления данных и анализа структурированных, текстовых, изобразительных и др. источников; компьютерное моделирование исторических процессов; использование информационных сетей; развитие и применение мультимедиа и других новых направлений информатизации исторической науки; а также применение информационных технологий в историческом образовании. (См.: Историческая информатика. М., 1996. С. 31).

Существует и другое более лаконичное определение: историческая информатика - это специальная историческая дисциплина, изучающая общие свойства исторически значимой социальной информации, разрабатывающая процессы, методы, средства ее обработки (т. е. сбора, хранения, преобразования, перемещения, визуализации), а также обучения последним, с помощью компьютера. (См.: Информ. бюл. Ассоциации «История и компьютер». 1994. № 12. С. 76).

введения в научный оборот большого объема формализованной информации законов и нормативных актов, нетрадиционно рассматриваемых как массовый исторический источник. Новизна данного диссертационного исследования в методолого-методическом и источниковедческом плане определяется рядом моментов, в частности тем, что **впервые**:

1) выработано методологически значимое определение промысловой сферы; на основе операционализации ее составляющих разработаны методики математико-статистической реконструкции динамики валовой промысловой продукции, числа промыслово занятого населения, промыслового вклада в совокупный экспорт страны (параграфы 1, 3 главы I);

2) разработаны принципы, методы и приемы агрегированной репрезентации текстовой информации, отличные от комплекса процедур используемого историками контент-анализа текстов (параграф 2 главы II);

3) на основе большого массива законов и нормативных актов создан банк машиночитаемых данных (глава II, приложения 2, 3 к диссертации);

4) проведена апробация методов корреляционного и факторного анализов к нечисловым данным массовых исторических источников (параграф 3 главы II);

5) на основе методов регрессионного и энтропийного анализов разработана методика формализованного вскрытия причин и следствий среди взаимосвязанных компонентов текстов законов и нормативных актов, которая принципиально применима к другим видам исторических источников (параграф 2 главы III);

6) разработаны метод и процедура однозначного установления значимости корреляционных моделей исторических явлений и процессов (параграф 2 главы III);

7) апробированы методы анализа временных рядов применительно к эффектам общих факторов политико-правового процесса (параграфы 1, 2 главы IV);

8) на основе методов вариационного анализа и кластер-анализа формализованной информации законов и нормативных актов разработана технология однозначного определения периодов эволюции политико-правовой системы управления; эта технология принципиально применима к анализу других видов массовых источников, отражающих исторические процессы иного содержания (параграфы 1, 3 главы IV);

9) проведена апробация потенциала метода «размытой» классификации к анализу временных рядов исторических данных агрегированной природы (параграфы 2, 3 главы V);

10) на основе процедур управляемой выборки разработана методика оптимизации порога принадлежности к «размытым» классам социальной эволюции (параграф 2 главы V);

11) на базе законов и нормативных актов разработаны методологические принципы, методы и приемы формализованного обнаружения ситуаций альтернативности и моделирования альтернатив управления (глава V);

12) на основе обработки банка машиночитаемой информации разработаны приемы визуализации и интерпретации моделей: логики и внутрисистемной каузальности (параграфы 2, 3 главы III), долговременных факторов (параграф 2 главы IV), периодов и этапов (параграфы 1, 3 главы IV), точек бифуркаций (параграфы 2, 3 главы V), поливариантности эволюции (параграф 3 главы V) для системы властного управления.

В общем научная новизна диссертации заключается в том, что она по своему содержанию направлена не только на расширение источниковой базы изучения управленческих процессов социально-экономического развития, но и на реализацию нового аксиологического подхода к анализу текстов, позволяющего извлекать из законов и нормативных актов значительные объемы неявной (скрытой) информации, строить на такой основе гибкие аналитические системы решения устоявшихся и нестандартных конкретно-исторических задач. В этой связи отнюдь не случайно сделан особый упор на связь методологических, источниковедческих и методических вопросов с разработкой конкретных исторических проблем, что позволяет целостно и последовательно (шаг за шагом) изложить вопросы методики и техники, показать всю оригинальную исследовательскую лабораторию, основанную на принципах системного анализа, начиная от постановки проблем до получения выводов и результатов.

Практическая значимость исследования.

Практическая значимость работы вытекает из характера поставленных и реализованных в ней задач, имеющих научно-прикладное и учебно-методическое значение. Результаты диссертации, в том числе разработанные и апробированные в ней технологии, создают принципиально новую область исторических исследований отечественного пути властного управления - компьютерный анализ социально значимой логики массовых политических, правовых и делопроизводственных текстов. Нарботки в этой области не только имеют первостепенное значение для понимания истории управляемого развития России, причем, в любой временной ретроспективе, но и должны оказать плодотворное воздействие на политические и социологические исследования, на практику государственного строительства.

Технологии, предлагаемые в диссертации, апробированы в практической исследовательской работе и отражены в монографиях, брошюрах, учебных пособиях, сборниках трудов и статьях. Автор многократно выступал с изложением отдельных положений диссертационного труда на конференциях, совещаниях, научных чтениях и семинарах.

Характер диссертации позволяет широко использовать ее материалы в деле подготовки профессиональных историков, интегрировать ее положения в общие и специальные курсы отечественной истории, методологии исторического познания, историографии и источниково-

ведения, а также может оказаться хорошим подспорьем для освоения таких учебных дисциплин, как историческая информатика и количественные методы в исторических исследованиях.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Методы исследования и круг источников, положенных в основу настоящей диссертации, разрабатывались автором с 1989 г. и неоднократно обсуждались на межучрежденческом семинаре по количественным методам в истории, созданном и руководившемся при жизни академиком-секретарем Отделения истории АН СССР И. Д. Ковальченко, на заседаниях Сектора баз и банков данных Информационно-социологического центра Российской академии государственной службы при Президенте РФ, Центра научного использования и публикации архивного фонда Московского городского объединения архивов, Лаборатории исторической информатики им. И. Д. Ковальченко Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, Центра исторической информатики и источниковедения XX века Института российской истории РАН, а также представлялись почти на сорока международных и всероссийских конференциях, конгрессах, школах-семинарах и научных чтениях.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры истории России факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, была одобрена и рекомендована к защите.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Диссертация состоит из введения, пяти глав (включающих четырнадцать параграфов), заключения, трех приложений и библиографии. Текст диссертации содержит 483 стр., 34 таблицы и диаграммы; библиография включает 475 наименований.

Во введении обосновываются актуальность темы и хронологические рамки исследования, выявляется степень изученности проблемы, излагаются цели и задачи работы, ее методологические основы, определяются научная и практическая значимость диссертации. Особо подчеркивается междисциплинарный характер диссертационного исследования, по сути источниковедческого, но находящегося при этом на стыке собственно истории, а также экономики, правоведения, информатики, социологии и логистики.

Первая глава - «Товарно-промышленная сфера села как объект властного интереса» - посвящена обстоятельствам особого властного интереса к промышленной деятельности крестьянства. Ключевым из них очевидно являлась та роль самих промыслов, которую они играли в народнохозяйственной жизни страны. Но вскрыть действительный масштаб этой роли, не очертив реальные границы промышленной сферы в экономическом организме 1920-

х гг., попросту не возможно. Поэтому в первом параграфе главы вырабатывается научное определение промысловой деятельности и той социально-экономической ниши, которую она занимала.

Диссертант установил, что на счет объекта и субъектов промысловой деятельности в историографии существуют различные точки зрения, часто взаимоисключающие друг друга или крайне сужающие суть проблемы. В этой связи, в параграфе обоснована необходимость опереться (при выработке научного определения промысловой сферы) именно на такое понимание сельских промыслов, которое как бы то ни было имело место в официальных источниках - нормативного и делопроизводственного видов - изучаемого периода.

В диссертации доказано, что объект властного интереса - промысловая сфера - и до революции, и в 1920-е годы советских модернизационно-реструктуризационных проектов был вполне улавливаем государственной статистикой и, что важно, хозяйственным и гражданским правом.

Исходя из анализа властного понимания промысловой деятельности в 1920-е гг. соискателем сформулировано научное определение *промысловой сферы села*. Это - *область деятельности сельского населения, товарно занятого добычей и обработкой продуктов "дикой" природы* (полезные ископаемые, рыболовство, охота, заготовка лесных материалов, торфа и пр.), *потребительски значимой переработкой сырья сельскохозяйственного и промышленного происхождения, а также строительными работами*. Промысловая деятельность могла быть постоянной, сезонной и эпизодической. Она выражалась в разных организационных формах предприятий: частных, государственных, акционерных, кооперативных, общественных организаций.

Выработанное научное определение позволило вскрыть реальные границы промысловой сферы, а на такой основе стало возможным всесторонне изучить ее роль в жизни советского общества.

Во втором параграфе главы показано, что наиболее емкие оценки действенной роли промыслов в послереволюционной экономике (т. е. оценки их значения именно как фактора хозяйственной жизни), открывавшихся перспектив их эволюции и альтернатив отношения к ним государства дал, прежде всего, П. А. Кропоткин. Установлено, что в 1918-1920-м гг. он не раз встречался с В. И. Лениным, обращался к нему с серией писем, где, помимо многого, предупреждал о необходимости реформы взятой политико-правовой модели хозяйственного управления, о неэффективности ставки только на крупные государственные производства, тем более, жестко централизованные в масштабе страны, об актуальности свободы товарооборота, о важности невмешательства в развитие кооперации и "артельного духа", о перспективности гибких, "монетаристских" способов регулирования аграрно-промысловой сферы.

Мнение П. А. Кропоткина не осталось без внимания, вызвало живую реакцию В. И. Ленина. Осознание Председателем Совнаркома необходимости перехода к НЭПу, в определенной мере, было предопределено гражданской и научной позицией П. А. Кропоткина.

В параграфе показано, что его идеи относительно промышленной эволюции оказались весьма популярны не только среди ученых экономистов, но и практиков хозяйственного строительства, управленцев среднего звена. Однако установлено, что им противостоял значительный эшелон большевистского авангарда, руководствовавшийся жесткими принципами непримиримой борьбы с частным, в том числе, мелким капиталом.

Сделан вывод, что в целом в 1917-1919 гг. сформировались две противоположные теоретические позиции властного отношения к промыслам, как бы то ни было проявлявшихся на протяжении последующих 1920-х гг. Если в одних кругах промыслы либерально рассматривались как фактор хозяйственной жизни страны, характеризуемый объективными (рыночными) законами своего развития, то в других кругах промыслы доктринально определялись явлением временным, архаичным - лишь неким "неподвижным" объектом на магистральной истории, требующим активного властного воздействия в направлении его к единой (централизованной) в масштабе страны бестоварной "государственной фабрике".

Установлено, что неоднозначность отношения (в деталях) к промышленной сфере в хозяйственных и региональных политических кругах была предопределена именно тем, что у центральной власти долгое время (вплоть до 1920-го г.) не было вообще принципиальной позиции на этот счет. Попытка восполнить законодательный пробел впервые была предпринята лишь весной 1919 г. под давлением общественного мнения и решений I Всероссийского съезда промышленной кооперации. В результате СНК был вынужден издать два декрета - "О потребительских коммунах" 20 марта 1919 г. и "О мерах содействия кустарной промышленности" 25 апреля 1919 г. Эти крайне жестко регламентирующие промышленную деятельность декреты на местах если и своевременно публиковались, то не могли на практике не быть искаженными. Дело в том, что они, являясь по сути вынужденным политическим волеизъявлением "столицы", не содержали централизованного механизма по их управленческому исполнению и, стало быть, при руководстве к действию не могли повсеместно однозначно истолковываться. В итоге фактически складывались предпосылки огосударствления, «осовещивания», «опрофсоюзивания» промышленной кооперации. Перипетии «скрытой» и явной борьбы за тот или иной вариант развития кооперации в промыслах и, стало быть, их самих детально анализируются во втором параграфе главы.

Соискателем доказано, что стремление большевиков всемерно управлять сферой промыслов было постоянным после Октябрьской революции. Однако, удалось установить, что в 1917-1919 гг. местные органы власти, по своему истолковывая право "военно-революцион-

ной эпохи”, при фактически полном отсутствии разработанной нормативной базы, повсеместно нарушали гражданские права и хозяйственные интересы субъектов промысловой деятельности. Диссертант пришел к выводу, что лишь в 1920-м году под давлением “старых” кооперативных работников, интеллектуальной общественности и ряда заинтересованных государственных органов складывается действительно политико-правовая система регулирования промыслового развития. В исследовании доказано, что за десять лет эволюции эта система была выкристаллизована законодателем в хорошо отлаженный механизм властного воздействия.

В третьем параграфе выявлены идеологические и методологические причины, в силу которых исследователи до сих пор всерьез так и не обратились к комплексному анализу «выдающейся» роли промыслов в экономике переходного периода.

Показано как и почему именно в военный период 1914-1920 гг. “реанимировались” многие промыслы, начавшие умирать под бурным индустриальным натиском преимущественно иностранного капитала именно после I русской революции, - промыслы, которые традиционно служили не одному поколению селян важным подспорьем в бюджете крестьянской семьи.

Соискатель утверждает, что советская власть, в отличие от царского самодержавия, быстро осознала и впоследствии признавала огромную народнохозяйственную значимость промыслов. Это было не случайно, поскольку, как удалось установить диссертанту, они до 1923 г. включительно давали до 2/3 промышленной продукции страны. Даже во второй половине 1920-х гг., когда патерналистски защищаемая диктатурой крупная индустрия набрала обороты, в промысловой сфере создавалось 2/3 одежды и трикотажа, мебели, продуктов пищевого назначения, более 1/3 черных металлов, почти 1/3 часть стратегических смоло-дегтярных продуктов, 1/4 химических веществ.

На основе ряда математико-статистических моделей было впервые реконструировано соотношение долей произведенной продукции фабрично-заводской и мелкой городской промышленности, с одной стороны, и сельских промыслов, - с другой, причем, в динамике всех 1920-х гг. Оказалось, что апогей значимости промысловой продукции в валовом национальном продукте приходился на 1916 - 1923 гг., с 1924 г. ее роль существенно снизилась; однако, на протяжении всей второй половины 1920-х гг. промысловая сфера стабильно из года в год давала 1/5 часть промышленной товарной массы.

В параграфе показан весь спектр диверсифицированного рынка сбыта продукции сельских промысловиков как в деревне, так и в городе. На основе анализа обследований покупательского спроса населения удалось установить, что, в первую очередь, именно сельские промыслы повседневно формировали потребительский облик нации в 1920-е гг. Разнообраз-

ные промысловые изделия в тот период, как правило, отличались высоким качеством, изысканностью - имели массу производственных секретов, были малосерийными и, что весьма существенно, заинтересованно выпускались под очевидные группы потребителей, исходя из их конкретных и динамично меняющихся запросов.

Обращается внимание и на то, что именно кустарным путем осуществлялись переработка основных объемов продуктов сельского хозяйства и придание им товарного вида. Подчеркивается, что поддержание общенационального значения аграрного труда напрямую зависело от прогресса отдельных промысловых отраслей.

Велико было значение промысловой сферы и как источника продукции национального экспорта, т. е. как одного из средств валютных поступлений в госбюджет и косвенного, но существенного, рычага решения международных вопросов. В параграфе впервые в литературе исследуются, причем, на протяжении всех 1920-х гг. структура и объемы вывоза за рубеж промысловой продукции. Существенно то, что не только в середине, но даже в самом конце 1920-х гг. совокупный советский экспорт на одну треть был представлен товарами промыслового происхождения.

В параграфе изучается и крайне важный вопрос о численности занятого промыслами населения. Доказывается, что в середине 1920-х гг. с промыслами были связаны 14 % крестьянских дворов и 6 % сельского населения. Речь идет лишь о рыночно-товарной части промыслов. Крестьяне, по мере надобности самостоятельно удовлетворявшие потребности своих семей и ближайшего окружения в промысловых изделиях исключительно на безвозмездной услуговой основе (а этим занимались десятки миллионов повсеместно), разумеется, не учитывались. Мало того, автору на основе ранее не привлекавшихся массовых статистических источников и сложных математических моделей удалось реконструировать картину роста числа сельских товаропроизводителей, занятых в промыслах, причем, как местных, так и "отхожих". С 1920 г. по 1926/27 г. средний ежегодный прирост промыслового (без "отхода") хозяйствующих крестьян составлял 29 %. Близкой являлась и картина прихода крестьян к отхожим промыслам - темпы ежегодного прироста с 1924/25 г. по 1928/29 г. составляли 28 %. Из начинающих новое - промысловое - дело 77 % до того занимались исключительно сельским хозяйством, 16,3 % были ранее несамостоятельными, т. е. детьми и самостоятельно ни в чем не участвовали, 6,7 % представляли возвращающихся на постоянное жительство в село горожан. Наибольшим всплеском в темпах вхождения крестьян в промысловое дело характеризовались 1924/25 г. и 1925/26 г. (около 62 % и 53 % соответственно от уровня 1920 г.). В течение же всех 1920-х гг. численность сельского промыслового населения выросла в 2,7 раза.

В параграфе на основе бюджетных обследований 1920-х гг. установлено, что промысловые занятия отвлекали лишь от 8 % до 15 % рабочего времени сельской семьи. При этом, последняя включала в среднем 5 трудоспособных человек, а промыслами так или иначе занимались только 1.22 членов крестьянского двора. Между тем, прибыль от кустарно-ремесленных либо строительных работ или от лесопереработки (фактически выполняемых одним человеком) составляла 18 % - 34 % в чистом суммарном семейном доходе, от охотничьих или рыболовных промыслов еще выше - до 40 %. Доказывается, что в тех условиях оторвать от крестьянского двора промысловые занятия - значило бы лишить единоличных - наиболее тогда рыночно-товарные - формы крестьянского хозяйствования будущности.

Соискатель акцентирует внимание на том, что промыслы проявляли огромное социальное значение как емкая и функциональная хозяйственная ниша, эффективно задействовавшая избыточные - в слабо товарном аграрном секторе - трудовые ресурсы и время, и как лакуна удержания растущего потока молодых мигрантов в город, и как экономически здоровая школа их трудового воспитания, и как средство смягчения абсолютной безработицы - камня преткновения диктатуры, опасно угрожавшего социальными катаклизмами политическому руководству страны.

В результате в главе сделан вывод, что промыслы в 1920-е гг. являлись высокой народнохозяйственной значимости социально-производственной сферой, по своей внутренней сути ориентированной на естество рынка, с которой так или иначе были связаны судьбы миллионов населения, к которой постоянно и отнюдь не случайно был прикован фискальный интерес властей и которую, в конечном счете, государство стремилось преобразовать с позиций экономических идеологов коммунизма, путем введения новых норм гражданского и хозяйственного права и ужесточения контроля за их исполнением.

Вторая глава - «Обращение к законам и нормативным актам о регулировании промыслов с целью создания банка информации» - имеет ключевое значение в диссертации, здесь вырабатывается подход к феномену политико-правового нормотворчества, решаются вопросы поиска и подбора документов для компьютерного банка информации, разрабатываются принципы, методы, приемы и средства представления информации документов в банке данных.

В первом параграфе главы показано почему еще с момента первых декретов большевики верили во "все побеждающую силу" вводимых норм новой социалистической законности, как в динамике 1920-х гг. они укреплялись в такой своей приверженности. Установлено, что тогда власть была полностью и не без основания убеждена, что издан нормативный акт - определены рамки "дозволенного", указаны субъекты и формы циркулярно-инструкционной разветтки, утверждена иерархия контроля и отчетности по претворению в документе очер-

ченного - значит, предполагалось, дело не замедлит сказаться "плюс-минус" прогнозируемыми результатами в экономической сфере.

Углубленный анализ отношения к промысловой сфере в политических и хозяйственных кругах показал, что 1920-е гг. - это не столько время борьбы по вопросам о кардинально разнящихся путях эволюции промысловой сферы (ведь коммунистическая задача полного государственного регулирования села никогда не снималась), сколько - и главным образом - период укрепления "декретно-циркулярного" механизма функционирования народно-хозяйственных составляющих и формирования в массовом (в т. ч. в управленческом) сознании "декретно-циркулярного" образа восприятия - отражения - экономической действительности. В этой связи соискатель доказал, что советская историография гносеологически не была привержена "декретному" образу изповской действительности. Был сделан вывод, что мощный нормотворческий *поток-феномен*, характеризующийся не только целенаправленно закладывавшимися в каждый документ чертами, но и неожиданно, в массе документооборота, проявлявшимися кумулятивными свойствами, до сих пор фундаментально не исследовался. Диссертант подчеркивает, что этот нормотворческий феномен до сих пор попросту оставался "незнакомцем" для отечественной историографии.

В параграфе показано, что при обилии всевозможных работ о государственном, партийном руководстве той или иной социальной нишей, проблема эволюции регулирования общественными процессами и явлениями в 1920-е гг. с позиций системного анализа всей совокупности культивируемых тогда норм права (а не путем осмысления набора отдельных, "ключевых" документов) не ставилась. Подчеркивается, что такая ситуация до сих пор имела место несмотря на доступность официальных изданий законов и нормативных актов изучаемого периода. Сделан вывод, что эта ситуация обусловлена и усугублена тем, что обращение к законам и нормативным актам о промысловом развитии, как к единому комплексу источников во взаимосвязи его составляемых, требует специальной разработки приемов анализа, существенно иных, чем применяемых при изучении отдельных текстовых документов. Утверждается, что комплекс актовых материалов (с внутренне сложным, неструктурированным содержанием текстов), в случае его рассмотрения как пласта массовых источников, может быть конструктивно исследован только путем привлечения современных технических средств и новейших информационных технологий. Установлено, что традиционные подходы, предполагающие выборочное (хотя бы и всестороннее) изучение каждого отдельного акта, извлеченного из определенного массива документов, для решения этой проблемы не подходят, даже если такое, поэтапное, изучение акта за актом характеризуется особой скрупулезностью. Ибо - при подобного рода подходах - многообразие иерархических и неиерархических взаимосвязей между информационными блоками множества документов остается

просто "неосознанным", находится за гранью корректной интерпретации. Мало того, только при включении конкретного нормативного источника в качестве первичного элемента в нечто неразрывно целое, у первого глубже проявляются сущностный "остов", до этого "неявная" содержательная структура и внутренняя логика. В параграфе показано, что в "природе социума" отдельный нормативный акт сам по себе, в отрыве от других, не действовал. Он существовал, выполняя необходимые "ролевые", социальные функции, лишь в контексте общей праворегулятивной системы. Следовательно, и изучение каких бы то ни было актов документов вне всего нормотворческого потока на нынешнем этапе историографии теряет былое познавательное значение.

При обращении к комплексу законов и нормативных актов властного воздействия на промысловую сферу в 1920-е гг., важно решение целого круга источниковедческих вопросов в русле системно-структурного подхода, работы на принципах базы данных, привлечения передовых компьютерных (статистических, лингвистических, когнитивных) технологий формализации/агрегации текстовой информации, ее последующих синтеза и анализа, построения содержательных моделей на такой основе.

Особый интерес при создании банка информации на основе актовой документации представили, помимо законов, документы высших институтов власти и хозяйственных ведомств, обладавших функцией подзаконного нормотворчества в промысловой сфере. Эти документы - разновидности нормативных актов, издававшиеся либо как первичные регуляторы, либо создававшиеся во исполнение конкретного закона, т. е. для детализации изначальных (в законе положенных) предписаний и их толкования. В параграфе доказано, что всю совокупность такого рода актов следует рассматривать не столько как просто набор властных документов, отражающих цели и намерения, но, главным образом, как комплекс прямых политических действий власти и как срез ее реальных управленческих механизмов.

В параграфе детально исследован круг субъектов нормоформирующей деятельности в промысловой сфере, поскольку именно это позволило бы выявить полный набор властных актов регулирования промысловой эволюции и создало бы условия для их последующего социально-контекстного анализа на принципах базы данных.

Был разработан содержательный критерий поиска документов для банка информации о политико-правовом управлении промысловой сферой. Каждый документ вне зависимости от его вида и разновидности должен был: целиком или частично, т. е. хотя бы на уровне одного составного компонента текста документа (преамбулы, главы, статьи, части, пункта) или на уровне сопровождающего документ адресного обращения содержать норму или оценку регулирования или деятельности любого субъекта промысловой сферы.

При формировании объекто-ориентированного банка документов представили интерес и были отобраны следующие виды актов, изданных с января 1920 г. по декабрь 1929 г.:

во-первых, все без исключения законы (в том числе декреты), которые регулировали промышленную деятельность; их оказалось 96;

во-вторых, все те касавшиеся промышленной сферы нормативные акты государственных институтов, которые обладали силой всесоюзного действия или всероссийского действия (но при этом имели прямые аналоги на территории других союзных республик); их оказалось 685;

в-третьих, из имеющих отношение к промыслам актов общественных организаций - материалы только их высших органов - отдельные положения уставов и программ, целиком резолюции, постановления, директивы, циркуляры; обнаружено 226 таких документов;

в-четвертых, из актов ведомственного делопроизводства - тематически интересующие документы по своей исходящей принадлежности не ниже республиканских наркоматов или главков, действовавших на правах наркоматов; это - 198 внутриведомственных приказов, инструкций, циркуляров;

в-пятых, из относящихся к управлению промыслами актов договорного вида - лишь те, у которых одна из их инициировавших (подписавших соглашение) сторон находилась в иерархии управления не ниже главка, действовавшего на правах наркомата, или являла собой центральный орган той или иной общественной организации общенационального масштаба; было обнаружено 12 таких документов (это - соглашения, постановления о разделе компетенции регулирования между наркоматами и высшими профсоюзными и кооперативными органами).

В ходе поиска в официальных изданиях законов и нормативных актов, тематических сборниках документов, справочниках для хозяйственных, партийных, комсомольских, профсоюзных работников, периодических изданиях 1920-х гг. было в общей сложности выявлено 1 217 документов по проблеме управления промышленной сферой.

Использование столь обширного по объему (свыше 14 тысяч страниц текста) и внутренне несистематизированного массового материала крайне затруднено. Без компьютерного обеспечения, с его быстротой и верифицируемостью многомерных аналитико-синтетических операций (несравнимо более мощных, чем те, на которые способен человеческий мозг в единицу время/психозатрат), здесь не обойтись. Для этого необходимо выработать процедуры, которые позволят структурировать и упорядочить текстовую информацию, т. е. придать ее трудно обозримому обилию четкие и повторяемые формы и, следовательно, меру, которые только и пригодны для операционных алгоритмов компьютерных программ последующей обработки данных. Такая задача вполне разрешима в рамках специальных приемов

преобразования текстов. Второй параграф главы посвящен разработке технологии формализованной репрезентации текстовой информации комплекса законов и нормативных актов и созданию на такой основе уникального банка исторической информации.

В параграфе подвергнуты анализу попытки агрегированного представления смысла отдельных текстов, эпизодически имевших место в отечественном и зарубежном социально-гуманитарном знании. Показаны плюсы и минусы привлечения такого рода опыта применительно к задачам диссертационного исследования, причем, принципиально лучшее из такого рода опыта было аккумулировано соискателем при разработке оригинальной технологии агрегированной репрезентации текстов законов и нормативных актов.

Общая суть, предлагаемого в диссертации подхода, в следующем: формализованные социально-значимые идеи законов и нормативных актов, иными словами, синтезированные категории, будучи смысловыми образованиями над группами первичных понятий текстов должны быть качественно независимы друг от друга и статистически ортогональны, т. е. агрегированы до того высокого информационного уровня, после которого дальнейшее содержательное обобщение без нарушения законов формальной логики невозможно. Это обуславливает полное вскрытие изначально внешне неявного рисунка смысловой композиции текста, предельное снятие энтропии и проявление глубины информационного потенциала конкретного документа. При этом исторически уникальная специфика последнего не нивелируется; поскольку категории, в случае решения конкретных исследовательских задач на уровне отдельных документов, т. е. вне всего массива последних, и (или) в случае экспертной верификации проведенной формализации оперативно "раскладываемы" в обратном направлении вплоть до изначальных индикаторов (первичных единиц текста). Достоинство такой технологии, в отличии от умозрительного подхода к обобщению смысла документов, в том, что она, с точки зрения синтеза текстуально заложенных мыслеформ, является научно строгой, а результаты, полученные на ее основе, однозначно могут быть воспроизведены другими исследователями.

Реализацией этой технологии явился банк компьютерной информации «Промысловая сфера в спектре властных притязаний и регулирования в 1920-е гг.», который пока не имеет precedентов ни в отечественной, ни в зарубежной историографии.

Третья глава - «Вопросы и методы изучения логики управления промысловой сферой при работе на принципах базы данных» - представляет первый опыт исследовательской работы с банком информации, репрезентирующим нормативное поле социально-экономической жизни села 1920-х гг., и носит экспериментальный характер. Суть эксперимента заключается в попытке постановки и решения на принципах базы данных комплекса историографически значимых вопросов, которые реализовать до настоящего

момента - вне диалогового общения с созданным банком информации - было попросту не возможно.

В этой связи соискатель в первом параграфе главы, исходя из внеисточникового -историографического - знания объекта анализа, формулирует некоторые предварительные соображения, операционализирует инструментальные понятия, выдвигает гипотезы.

Здесь, помимо прочего, постулируется, что структура управленческого механизма в 1920-е гг. являла собой, прежде всего, комплекс соподчинено реализуемых (и обобщенных в виде правовых норм) политических *задач и целей*, поэтому-то целеполагание - *т. е. идеализация и иерархизация ближайших, промежуточных и конечных целей* - было ключевым (отправным) моментом в выработке/корректировке высших хозяйственных решений. Затем политическую логику задач-целей, т. е. их "цепочку", конкретизированную с точки зрения очередности решения и предполагаемого эффекта (в том числе деструкции) рубежных социальных откликов, экспертно соотносили с регулятивно-ресурсными возможностями всей вертикали исполнения. Потенциальную опасность извращения политического замысла на низших этапах управления должны были предотвращать кадровая политика, контрольные органы и, что важно, такая мотивация нормативно закрепляемых государственно значимых целей, которая бы в значительной степени аккумулировала (или стимулировала в необходимом законодателю направлении) личностные мотивы действий управленцев и самих товарно-хозяйствующих субъектов в обширной промысловой сфере.

Созданная соискателем интерактивная рабочая среда по принципу «любой вопрос - качественно верифицируемый ответ» и емкий банк информации позволили актуализировать широкий ряд конкретно-исторических вопросов, требующих первоочередного исследовательского внимания. Эвристические ответы на них находятся, как показано в параграфе, преимущественно в информационно-технологической плоскости *моделирования скрытой логики управления* промысловой эволюцией. Узловыми на этом пути явились следующие аналитические процедуры: обнаружение устойчивых взаимосвязей в среде всех имевших место политико-управленческих и социально-экономических ценностей, властно осознававшихся и нормативно закреплявшихся в виде установок (систематического действия) и оценок; доказуемое и, стало быть, формализованное вскрытие преобладающей причинно-следственной направленности в каждой паре (стабильно во времени взаимодействующих) управленческих установок, а отсюда - содержательное оценивание последних с точки зрения их непротиворечивой/иррациональной роли в общем правовом потоке целевого макрорегулирования промысловой сферы; выявление полного списка политически значимых благ - экономических, социальных, культурных и т. д., активно преследовавшихся в реальности (и тесно увязанных законодателем в комплекс всех одновременно действовавших

норм); определение исторической масштабности, которую придавала власть этим перспективным благам, и - в данной связи - выяснение спектра мотивационно подчиненных их достижению промежуточных задач и ресурсов (средств); обнаружение для последних иерархии, смысловой направленности, силы и временной дистанции действия.

Во втором параграфе главы особый упор сделан на познавательном потенциале привлекаемого математико-статистического аппарата для анализа логики каузальности и внутреннего механизма властного алгоритма управления промысловой эволюцией. В этом направлении диссертантом были специально разработаны и апробированы оригинальные процедуры вскрытия действительных причин и реальных следствий во взаимосвязях сотен нормативных установок законодателя. Следует подчеркнуть, что проблема каузальности (причинно-следственности) - наиболее неразработанный, в отличии, например, от философии, аспект исторического творчества. Со своей стороны, соискатель предлагает несколько способов формализованного - логико-математического - решения этого вопроса в целях исторического исследования. В результате его применения стало впервые возможным перейти от умозрительных рассуждений и предположений к строгим приемам выявления социально и управленчески значимых причинно-следственных связей в логике действия властей в 1920-е гг., в частности, была разработана модель более, чем на 90 % однозначно «дешифровывающая» и объясняющая эту логику.

Третий параграф главы посвящен вскрытию закономерностей и социального контекста управления промысловой сферой по результатам обработки банка информации. Соискатель доказал, что инициация 1/3 части правовых норм и политических установок относительно промысловой сферы обуславливалась и, сообразно с этим, мотивировалась законодателем именно 4-мя долговременными причинами: *аграрной перенаселенностью*, динамизирующими *доктринальными интересами большевизма*, *ростом товарности сельского хозяйства и мелкопромышленного производства*, естественным *стремлением промысловиков к зажиточности*.

Удалось установить, что остальные нормативные установки и оценки-ориентиры регулирования законодатель выводил из анализа текущей эффективности самого механизма управления. Как оказалось, наиболее «пробуксовывающими» в этом механизме и, следовательно, требующими постоянных политико-экономических мер, являлись такие компоненты (по ранжиру): оборачиваемость средств в государственной торговле и торговой сети потребительской кооперации, соотношение запретов и свобод товарооборота для промысловиков и иных индивидуально хозяйствующих субъектов, дефицит расходной части «социалистических» накоплений, скрытая и явная инфляция, идеологема смычки города и села, процесс производственного кооперирования промыслово занятого населения,

государственное изъятие свободных денежных средств у промышленяющих крестьян, “мелкобуржуазная” маргинальность кустарей и ремесленников и надзорная функция за их деятельностью, экспорт промысловой продукции и валютные поступления диктатуры.

В параграфе показано, что властный алгоритм управления промысловым развитием представлял собой сложную по нормативно-правовым хитросплетениям, однако мощную механику и политическую инженерию воздействия на село. И хотя властных иерархируемых целей регулирования было много - почти два десятка, доказано, что две из них действительно являлись целями-максимами. Это - во-первых, *сама будущность социалистического строительства* в стране и, во-вторых, *достижение всеобщего признания направляющей роли партийных директив* для практики руководства социально-экономическими процессами на селе.

Соискателем построены и всесторонне проанализированы следующие имитационные модели процесса регулирования промыслов:

- ◊ возрастания роли партийных директив для практики хозяйственного руководства промысловой сферой;

- ◊ расширения юридических свобод товарооборота для индивидуально хозяйствующих субъектов и промысловой кооперации, с одной стороны, и роста запретов для них же, с другой;

- ◊ динамики закрепляемых в праве установок борьбы с промысловыми «лжекооперативами»;

- ◊ социального фона усиления административного надзора и вмешательства местных органов власти в деятельность промысловиков;

- ◊ осознаваемого законодателем недовольства промысловиков экономической политикой;

- ◊ растущего нарушения договорных обязательств государственными предприятиями и трестами перед субъектами промысловой деятельности, обусловливающего разрыв смычки города и села.

Детальный разбор этих частных моделей, данный в тексте параграфа, позволил вскрыть сущность алгоритма властного управления промысловой сферой и выявить закономерности его эволюции в 1920-е гг.

Четвертая глава - «Методы исследования скрытых факторов и периодов властного воздействия на промыслы на основе банка информации» - посвящена, во-первых, разработке и апробации методов для фундаментального исследования внутренних причин, формировавших как специфику процесса властного регулирования, так и его политико-

правовой императив, а также для выявления объективных факторов, которые в 1920-е гг. стояли за теми или иными группами нормативных установок законодателя. Во-вторых, в главе подвергнуто скрупулезному анализу то, как в поле одновременного действия этих факторов эволюционировало поведение законодателя, какие правовые нормы и политические оценки и в результате каких причин инициировала диктатура, каковы были рубежи, периоды и этапы сложнейшего процесса властного воздействия на промышленную сферу.

В первом параграфе главы показано, что выявление факторов и анализ их воздействия на те или иные слагаемые процесса властного регулирования - проблема не умозрительного свойства. Конечно, можно искать факторы, исходя из собственного видения и прочтения источников и знания историографической оболочки сути событий, однако это только удалит от истины. Среди исследователей есть несколько подходов к проблеме факторов. При этом одни под факторами понимают самые общие причины, другие - условия и/или обстоятельства эволюции, третьи - группы специфических слагаемых процесса и т. д., и т. п. Между тем, вскрытие реально имевших место факторов должно быть научно строгой и верифицируемой, т. е. вполне воспроизводимой кем бы то ни было, исследовательской процедурой.

Такая процедура была разработана соискателем исходя из специфики банка данных и имеющихся достижений экономистов, социологов, лингвистов в типологическом анализе. Для диссертанта анализ факторов - это концентрирование исходной текстовой информации, выражение большого числа внутренних свойств изучаемого процесса властного регулирования через меньшее число его более емких - глубинных - причинных характеристик, которые непосредственно (в отличие от свойств) не наблюдаемы в массовой актовой документации. В параграфе подчеркивается, что эти наиболее емкие, внешне не наблюдаемые характеристики являются определяющими причинами, т. е. обобщенными *факторами* свойств процесса. Показано, что факторы при таком подходе вычленяются на основе определенных - строгих - логико-математических алгоритмов, исходя именно из самих данных источника о свойствах анализируемого процесса. Смысловая интерпретация выявляемых факторов зависит от профессионализма историка, однако, число и сила проявления факторов, их прочие формализованные атрибуты от исследователя по сути не зависят - и в этом мощь данного фундаментального, причем, весьма гибкого аналитического аппарата.

Само поведение объективных факторов, причем, в эволюции десяти лет при таком подходе может быть наглядно представленным системой емких диаграмм. Здесь, помимо реальных ежемесячных данных о факторах, возможно выявление их аналитически подобранных трендов, исключаяющих различного рода сезонные колебания и тем самым отражающих главные закономерности факторной динамики.

Определяла ли эта динамика периоды властного нормотворчества? Если “да”, то как? Ответить на эти вопросы можно исследовав распределение дней нормотворчества в пространстве всех 6 факторов. Однако, у подобного подхода есть существенный недостаток - в результате исследователь может получить лишь периоды, вычлняемые на основе 6 объективных причин властного нормотворчества. То есть сама суть - нормы и установки - властного регулирования здесь не могут быть учтены. Чтобы действительно получить периоды и этапы властного регулирования промысловой сферы нужно типологизировать временные отрезки нормотворчества (дни) в пространстве не 6 компонент, а в пространстве всех практически полтысячи количественных индикаторов управленческой логики. Для этого соискателем был разработан специальный метод, лежащий в русле кластер-анализа. Суть его состоит в следующем. Каждый из набора более 3,6 тысяч дней может быть представлен точкой в 468-мерном пространстве признаков. Характер распределения точек в этом пространстве обуславливает структуру сходства и различия дней в исследуемой системе показателей. Сходство дней определяется по *расстоянию* между соответствующими точками. Смысл сходства заключается в том, что дни тем более похожи (представляют общий период управления), чем меньше различий между значениями их характеризующих одноименных показателей нормотворчества властей.

Особую проблему исторического анализа, проделанного во втором параграфе главы, представили собой конкретная суть и поведение объективных факторов властных притязаний к характеру промысловой эволюции страны. Привлечение специально подобранного цикла исследовательских процедур позволило установить, что нормотворчество диктатуры было достаточно детерминированным процессом - на три четверти реальное поведение законодателя обуславливалось 6-ю внешними факторами долговременного действия. Это -

- *потребность модернизации сельской экономики;*
- *антибуржуазная социальная направленность коммунистической идеологии;*
- *экономическая заинтересованность диктатуры в скорейшем централизованном обобществлении средств и труда в товарно-промысловой сфере;*
- *финансовая и ценорегулятивная функции государства;*
- *революционные традиции выпестовывания новых кадров сельских руководителей в культивируемой классовой борьбе;*
- *политэкономическое кредо большевизма.*

В параграфе показано каким образом и на какие слагаемые политико-правового процесса прежде всего воздействовали эти факторы, что от месяца к месяцу, от года к году в ре-

зультате их воздействия менялось в политических оценках социально-экономической ситуации, в хозяйственном и гражданском праве.

Особо подчеркивается, что только четвертый по значимости объективный фактор управления промышленным развитием - *финансовая и ценорегулятивная функции государства* - собственно являлся (из всех прочих факторов) компонентой, в идеале свойственной рыночной экономике и, сообразно этому, рыночным индикатором эволюции властного регулирования процессов мелкого производства на селе. Однако, данный фактор, присутствующий во всех странах с рыночно ориентированной экономикой и являющийся там базовым, для промышленной сферы 1920-х гг. объяснял лишь 6,5 % повседневных колебаний основных нормативных установок правового воздействия.

В третьем параграфе главы соискатель сконцентрировал внимание на всегда остро стоящей в историографии теме периодизации властного регулирования процессов на селе. Именно исследовательская работа на принципах базы данных позволила установить: что и когда менялось в нормативных актах, какие оценки, установки, запреты и свободы, акции и оперативные мероприятия и почему приносились законодателем в политико-правовое лоно хозяйственной жизни промышленного населения.

Применительно к промышленной сфере удалось установить:

- почему период *директивования кооперативного социализма* (хронологически совпадавший с эрой военного коммунизма) в феврале 1921 г. сменил *нэп*,
- что сам *нэп* закончился (именно в промыслах и только в них!) в сентябре 1924 г.,
- а ему на смену пришел вполне самостоятельный период *активизации "снизу" и централизации кооперативного строительства*,
- который, в свою очередь, в феврале 1927 г. уступил место *реконструктивному* периоду.

В параграфе подчеркивается, что именно применение верифицируемых процедур анализа позволило не только однозначно выявить ранее весьма спорные границы периодов, но и впервые установить внутреннюю специфику последних через призму не просто трех-четырёх-пяти характеристик, а сотен значимых отличительных черт.

Помимо выделенных периодов, оказалось возможным доказать, что до мая 1924 г. нормотворчество диктатуры в целом характеризовалось, как *управление традиционным развитием промыслов*; с октября же 1924 г., т. е. после некоторого - пятимесячного - переходного этапа, политико-правовой процесс воздействия властей стал носить характер *модернизации традиционной структуры промышленной сферы*.

Пятая глава диссертации - «**Методологические и методические вопросы анализа альтернативности регулирования промышленной сферы на базе законов и нормативных актов**» - посвящена разработке принципов, технологий, методических средств и приемов для обнаружения ситуаций альтернативности и альтернатив управления.

В первом параграфе дается анализ существующих исследовательских подходов к проблеме альтернатив. Исходя из обобщенного опыта соискатель формулирует собственную концепцию анализа альтернативности управления промышленным развитием.

В этой связи диссертантом показывается, почему ныне с теоретико-информационных высот науки истории и, прежде всего, компьютерного источниковедения массовой документации очевидно, что в целом политико-правовая направленность нормотворчества 1920-х гг., эволюционировавшего в результате действия объективных факторов не являла собой стихийно проявляющуюся либо осознанную однозначную необходимость. Подтверждение тому - результаты компонентного анализа содержания актов властного воздействия на промышленную сферу. Было доказано, что суть этого воздействия была предопределена общими факторами весьма значительно, однако, не полностью - менее, чем на три четверти. Причем, факторов, как установлено, было шесть, а не один монопольно господствовавший и все определявший. Все эти факторы друг от друга не зависели. Следовательно, их одновременное воздействие на праворегулятивную систему - с точки зрения направления ее естественной мимикрии - предполагало для власти некоторую свободу выбора в ситуациях потенциальной поливариантности стратегии управления. Таким образом, определенные хронологические отрезки 1920-х гг. под воздействием объективных детерминант (каждая из которых от месяца к месяцу имела различную интенсивность своего проявления - от сильной до крайне слабой) содержали реальную возможность рационального изменения, оптимизации законодательством «фарватера» нормотворчества.

Вместе с тем, эволюционное «поведение» нормотворческого потока тех лет, как показал компонентный анализ, на одну треть объяснимо иррациональными действиями властей. По сути дела, правовое регулирование промыслов следует относить к классу вероятностных процессов с определенной долей субъективных содержательных компонент и слагаемых в создававшихся тогда нормативных актах, с долей проигнорированных и даже просто не поддававшихся политическому учету внешних - объективных - обстоятельств. Речь идет о стохастическом процессе с неоднозначно детерминированным и, стало быть, потенциально многовариантным исходом.

Все это позволяет соискателю утверждать: во-первых, об объективном наличии исторических альтернатив регулирования промышленной сферой, характеризующихся как пересекающиеся тенденции, которые когда-то сложившись, проявлялись в динамике 1920-

х гг. в виде социально необходимых - рационализированных и неосознанных законодателем - потребностей и, следовательно, во-вторых, о должных бы тогда обнаруживать себя альтернативных ситуациях, когда властям представлялась возможность выбора (пересмотра ранее взятого) механизма управления.

В параграфе формулируются выработанные опытным путем методологически важные положения вскрытия альтернатив управления и ситуаций их проявления. Во-первых, альтернативы - сущностно различные возможности последующего (относительно конкретного рубежа) развития процесса. Во-вторых, в ближайшей перспективе может быть реализована лишь одна из возможностей, т.е. реализация альтернатив вероятностна. В-третьих, ситуации проявления альтернатив имеют место *действительно*; иными словами, они есть историческая реальность; сами же альтернативы - это лишь потенции будущего. В-четвертых, реализация определенной альтернативы означает, что та превратилась в действительность, стало быть, теперь альтернативой тому, чему была раньше, уже не является. В-пятых, отдельно взятая из исторического (ситуативного) контекста альтернатива (впоследствии реализованная или не реализованная) не может истолковываться ни как противоположение всей существовавшей - в конкретный альтернативно-ситуативный момент - реальности (т.е. системе фактического положения вещей), ни как противоположение недавнему (от того момента) альтернативно-ситуативному прошлому, ни как противоположение ближайшему (от того момента) ретроспективно историком осмысливаемому будущему. В-шестых, альтернатива может быть противоположением только альтернативе, причем, лишь тогда, когда обе рассматриваются в одном временном срезе.

В целом работа с комплексом массовой документации, представленным в виде компьютерного банка данных, позволила по-новому взглянуть на проблему альтернативности властного воздействия. Удалось перевести осмысление альтернатив в русло многомерного научного анализа. Второй параграф главы полностью касается методико-технических вопросов выработки технологии обнаружения ситуаций альтернативности и вскрытия альтернатив управления промысловым развитием.

Эта технология по сути аккумулировала в себе, помимо достижений отечественных историков, информационные новации в области визуализации временных данных, компонентного анализа динамических рядов и прикладные возможности теории «размытых множеств». На этой основе в параграфе апробированы методические процедуры решения следующих исторических вопросов: как и почему проявляли себя альтернативы в конкретных экономико-политических ситуациях 1920-х гг.; каким образом и по каким причинам диктатура каждый раз реализовывала одну из них; в силу каких обстоятельств один набор двух-

трех альтернатив мог смениться и сменялся через определенное время другим набором альтернатив; сколько всего было альтернативных ситуаций в динамике 10 лет; и др.

В параграфе, причем, на конкретном историческом материале управляемого развития промышленной сферы показано, что оригинальная технология обнаружения ситуаций альтернативности вполне доступна для других исследователей и при надобности экспертно воспроизводима, и, стало быть, может получить достаточно широкое применение среди историков в целях измерительно-отражательного моделирования иных динамических систем, в том числе и макросоциального уровня. Эта технология наряду или в сочетании с имитационно-прогностическими моделями позволяет перейти от гипотетических умозаключений об оптимальности исторического выбора социальных субъектов в некой имевшей место ситуации к верифицируемым процедурам анализа.

В третьем параграфе детально - месяц за месяцем - исследуется социальный фон властного выбора альтернатив регулирования. Доказывается, что в толпе нормативных актов, вводившихся в действие день за днем в течении практически 10 лет, проявляли себя именно четыре альтернативы регулирования промышленной сферы.

Во-первых, альтернативный путь *минимизации административного противостояния естествену частной инициативы*. Во-вторых, альтернативный путь *мобилизационных (антирыночных) механизмов регулирования*. В-третьих, альтернативный путь *активных финансово-кредитных и ценорегулятивных мер*. В-четвертых, альтернативный путь *стимулирования технологической эффективности промышленной сферы и достижения большей занятости аграрного населения через индустриальную реструктуризацию экономики*.

Возможность властной реализации каждый раз одного из этих четырех альтернативных путей управления обнаруживала себя в различных количественных сочетаниях их проявления в представлявшихся ситуациях политического выбора в разные моменты времени. За 1920-е гг. обнаружили себя 42 ситуации альтернативности, когда перед правящей элитой и политической бюрократией открывались возможности сознательной корректировки ранее взятого механизма централизованного управления.

Оказалось, что 38 ситуаций - чрезвычайно краткосрочны, продолжительностью примерно по полмесяца. Каждая из них содержала тот или иной набор лишь 2 альтернатив; причем, все ситуации были реализованы. Это свидетельствует о том, что советская власть была в состоянии оперативно делать однозначный выбор, а ее нормотворчество в рамках действия объективных факторов 1920-х гг. являлось достаточно реалистичным и весьма активным в плане регулятивного отклика. Как только изменялась социальная ситуация и представлялась возможность целенаправленного маневра в управлении промышленным развитием, политическая система тут же инициировала комплекс рационализированных правовых норм.

Между тем, имели место 4 ситуации, более продолжительные, более широкие в спектре потенциального выбора проявившихся альтернативных путей воздействия на промыслы. Речь идет о марте-середине мая 1925 г., октябре - середине ноября 1925 г., августе-середине ноября 1927 г., середине февраля - марте 1929 г.

Обратило на себя внимание и то, что 18 альтернативных ситуаций генерированы в ходе эволюции именно по пути *минимизации административного противостояния естествену частной инициативы*. Мало того, 19 ситуаций альтернативности, эпизодически возникавшие в рамках одного из трех других регулятивных путей, в конечном счете вольно или невольно разрешались властвующим субъектом в пользу развития именно по пути минимизации противостояния частной инициативе. Фактически это был специфический для индустриальной эпохи вариант монетаристского пути ("let it be"), когда диктатура вынужденно ограничивалась лишь "оздоровлением изнутри" организма государственного сектора и установлением надлежащей правовой структуры, преимущественно облегчающей в известной мере автономное функционирование этого организма. До частного мелкого промышленного производства либо у власти, по большому счету, не доходили руки, либо она время от времени оказывалась в политэкономических тупиках, не зная какой шаг предпринять по "коммунальному" обустройству промысловой сферы. Соискателем доказано, что «let it be», в отличие от всех иных, время от времени реализовывавшихся альтернативных путей управления, являлся крайне неустойчивым, но наиболее часто, хотя и кратковременно используемым властью.

Удалось обнаружить следующую закономерность: как только на макроуровне экономики с определенной периодичностью наблюдались дисбалансы во взаимоотношениях госсектора и промысловой сферы, власть обнаруживала их краеугольную причину в ошибках и ослаблении денежной политики и в объективно образовывавшихся ситуациях альтернативности делала выбор именно в пользу альтернативного пути активных финансово-кредитных и ценорегулятивных мер.

Если же указанные дисбалансы приобретали черты народнохозяйственного кризиса, угрожавшего самому выживанию советской власти, или же если финансово-денежные мероприятия правительства срабатывали в не должной мере, как это было, например, в конце декабря 1923 - середине февраля 1924 г., законодатель посредством чрезвычайных нормативных актов кратковременно использовал альтернативу мобилизационных (антирыночных) механизмов регулирования промысловой сферы.

В параграфе показано, что и путь мобилизационных механизмов регулирования, и путь активных финансово-кредитных и ценорегулятивных мер при условии стабильного поведения всех объективных факторов макрорегулирования являлись устойчивыми, могли опера-

тивно восстанавливать баланс народно-хозяйственных секторов. Но дело осложнялось тем, что естественно сильная по внутренней динамической природе колеблемость этих факторов систематически создавала ситуации, подталкивающие правоформирующую систему на путь управления “let it be” или же, но реже, как в обстоятельствах конца июня 1925 г., второй половины марта 1927 г., на путь стимулирования технологической эффективности промышленной сферы и достижения большей занятости аграрного населения через индустриальную реструктуризацию экономики. Этот путь, как и путь “let it be”, мало зависел от резкой изменчивости поведения половины объективных компонент властного нормотворчества. Между тем, он предполагал: стабильное, причем, особо сильное проявление экономической необходимости модернизации традиционной сути промышленной сферы; повышение спроса на новые профессиональные кадры.

Удалось установить, что в условиях время от времени реализовывавшейся “индустриальной альтернативы” власть принимала правовые акты:

- ◊ ускоряющие технологическую перестройку наиболее обобществленных промышленных отраслей;
- ◊ активизирующие перемещение трудовых ресурсов из малорентабельных кустарных производств;
- ◊ стимулирующие у занятых рост образовательного и профессионального уровней;
- ◊ рационализирующие товаропроводящую сеть в различного вида централизованных системах кооперации.

Однако, эти мероприятия касались в промышленной сфере, главным образом, кооперативного сектора, фактически административно руководимого государством. Здесь стоимостные законы естественным образом не действовали, здесь деньги уже не являлись регулятором спроса и предложения, а лишь выступали твердым мерилем объемов производства продукции и поставок сырья. Поэтому, сделан вывод, что финансовая и ценорегулятивная функции, как реальный фактор властного макрорегулирования экономики, аномально имели в тех условиях крайне низкое проявление.

В заключении диссертации подводятся основные итоги проделанной работы в методологическом, источниковедческом и конкретно-историческом аспектах.

Подчеркивается, что промышленная эволюция и ее регулирование в 1920-е гг. долгие десятилетия не являлись предметом самостоятельного фундаментального исследования. Неслучайно уже сам объект исследовательского внимания является новаторским. Диссертация фактически возвращает в историографию властно управляемую промышленную сферу, как важную составляющую жизнедеятельности советского общества 1920-х гг.

Делается вывод, что за десять лет эволюции созданной советским государством системы регулирования промышленного развития та была выкристаллизована законодателем в хорошо отлаженный механизм властного воздействия. По всей исполнительной вертикали создавались тысячи документов систематического управленческого действия. Они обладают огромным информационным потенциалом о взаимоотношениях власти и промышленной сферы села, поэтому являются ценным массовым историческим источником. Однако, подступиться к этому пласту актов документов, причем, как к целому комплексу когда-то одновременно функционировавших правовых норм, до сих пор в рамках традиционных источниковедческих подходов никому из исследователей не представлялось возможным. Современные информационные технологии, мобилизованные и разработанные в диссертации, позволили решить данную проблему и ввести в широкий научный оборот огромный комплекс законов и нормативных актов.

Диссертантом был создан компьютерный банк данных, содержащий результаты *полной формализации* текстовой информации более тысячи актов документов. Работа в диалоговом режиме с этим банком информации принципиально позволяет ставить и - самое главное - успешно решать фактически неограниченный круг исторических вопросов о политическом руководстве и правовом регулировании промышленной сферы.

Многие документы в банке данных касаются не только промышленной эволюции, но и более общих вопросов регулирования социально-экономических процессов. Учитывая это, а также предусматривая возможность пополнения структурно открытого банка данных информацией новых документов, отражающих взаимодействие диктатуры с другими сферами народного хозяйства, следует сделать вывод о том, что в принципе на предложенной в диссертации информационной основе можно решать и другие научные проблемы регулируемого развития советского общества в 1920-е гг.

Исследование является и по сути, и по форме комплексным и конструктивным:

- ♦ с одной стороны, в нем разработаны подход к актовым документам, как массовому историческому источнику, методологические принципы и оригинальные технологии создания банка машиночитаемых данных на основе законов и нормативных актов, методы, процедуры и средства обработки его информации;
- ♦ с другой стороны, создана и апробирована уникальная рабочая информационная среда, отличная от традиционной источниковедческой лаборатории историка;
- ♦ с третьей стороны, выработаны и показаны способы исследовательского решения вполне конкретных исторических вопросов при работе на принципах базы данных.

В этой связи отнюдь неслучайно в диссертации акцентировано внимание на трех крупных блоках проблем, выдвижение которых стало возможным на основе созданного банка формализованной информации законов и нормативных актов и фактически является новым для отечественной историографии переходного периода. Это - логика и механизм властного управления промысловой эволюцией, факторы и периодизация регулирования промыслов, альтернативы и ситуации альтернативности в процессе воздействия на промысловую сферу.

Система поставленных и - самое главное - принципиально решаемых конкретных исторических вопросов на основе созданного компьютерного банка информации актовых документов и посредством разработанных процедур обработки его информации и технологий анализа является тем обстоятельством, которое свидетельствует о ценности обширного комплекса законов и нормативных документов, как массового исторического источника о политико-правовом регулировании промысловой сферы в 1920-е гг.

Центральной проблемой, которую можно разрабатывать на машиночитаемой базе законов и нормативных актов, является долговременное и крупномасштабное взаимодействие власти и промысловой сферы села, ибо большая часть документов содержит исчерпывающие сведения не только о целях и средствах властного воздействия на село, но и фиксирует обратный отклик субъектов промыслового хозяйствования на введение и действие политических мер и правовых регуляторов.

Нормативные акты - источник, сведения которого обладают чрезвычайно сложной структурой и композицией. Характер макроуправления социально-экономическими процессами, участие в нем многих субъектов правовой и политической инициативы, конечно, привели к появлению множества разновидностей документов. Фактически отсутствие единого формуляра, разная адресность, способы реализации и сроки исполнения документов, разнообразность поднимаемой в них проблематики в свое время определили различный информационный потенциал разновидностей нормативных актов, определенную разницу их смыслового наполнения и фиксируемой социальной контекстности. Принимая во внимание текстовый характер сведений актовых документов, становятся очевидными сложности, возникающие при переводе этого источника (безусловно, рассматриваемого как массового) в машиночитаемый вид. Справиться с этими сложностями под силу лишь при условии привлечения гибких компьютерно-информационных технологий. Впервые предложенные в диссертационной работе оригинальные принципы, методы, приемы и средства полной формализованной репрезентации текстов, очевидно, являются наиболее оптимальной исследовательской лабораторией такого обращения к комплексу законов и нормативных актов, которое ориентируется на исследуемый объект - политико-правовую систему управления.

Осознание самоценности любого сегмента информации каждого нормативного акта привело к необходимости не только представлять в банке данных агрегированные смысловые компоненты, но и по возможности сохранять полноту сведений, какой бы нерегулярностью встречаемости среди других актов эти сведения и не обладали. Возможность постановки на основе всего машиночитаемого комплекса массовых актов документов (и даже на уровне отдельных формализованных документов) сразу нескольких содержательных задач, потенциал гибкого управления структурой данных в банке информации, т. е. наличие информационно-средовых условий для всевозможных исследовательских экспериментов, - свидетельствуют о преимуществах разработанной в диссертации технологии создания и обработки компьютерного банка, репрезентирующего тысячи страниц текстов законов и нормативных актов.

Предложенная в диссертации система проектирования банка машиночитаемой информации позволяет отразить краеугольную суть и смысловую специфику документов, сохраняя при этом структурную соподчиненность сегментов информации и их композиционное единство. Проведенный в работе многомерный анализ показал, какие блоки информации и насколько интенсивно представлены в изучаемом машиночитаемом документальном комплексе, что позволило, в конечном итоге, очертить сферу содержательно значимых конкретно-исторических проблем принципиально решаемых на его основе. Таким образом, созданный компьютерный банк является фундаментом для формирования информационных основ дальнейших проблемно-ориентированных исследований. Реально открываются широкие перспективы для неоднократного обращения различных исследователей к этому машиночитаемому банку данных 1920-х гг. и широкого привлечения разработанных на его основе принципов, методов, приемов и средств обработки информации законов и нормативных актов, - в этом видится одно из главных значений данной диссертации.

В приложениях к диссертации приводятся:

- аналитический материал «Борьба ведомств в процессе законотворчества о развитии промыслов», отражающий на основе анализа ранее закрытых архивных данных 1920-х гг. практику кропотливой работы над проектами иницируемых нормативных актов, тщательных, многоуровневых и межведомственных согласований, «скрытой» механики учета зачастую противоречивых интересов ведомств, являвшихся в тот период гарантом основательности правотворческого процесса;

- перечень нормативных актов, регулировавших сферу промыслов в 1920-е гг.;
- описание банка данных "Промысловая сфера в спектре властных притязаний и регулирования в 1920-е годы".

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях:

1. Диктатура и промысловая Россия в 1920-е годы. М.: «ЭКОН», 2000. 23,5 п. л.
2. Мелкая промышленность в условиях НЭПа. М.: АОН при ЦК КПСС, 1990. 13,8 п. л.
3. Технология обнаружения ситуаций альтернативности в процессах исторической эволюции. М.: ИРИ РАН, 1995. 5,0 п. л.
4. Статистика мелких предприятий, кустарно-ремесленного производства и сельских промыслов (1917-1929 годы). Челябинск: ЧелГУ, 1990. 3,1 п. л.
5. Промыслы русского села в спектре властных притязаний в 1920-е годы. (Проблемы анализа законодательных и нормативных актов на принципах базы данных). М.: ИРИ РАН, 1995. Деп. в ИНИОН РАН. № 50094. 7,5 п. л.
6. Проблема создания базы машиночитаемых данных на основе массовой документации мелкой промышленности СССР // Математические методы изучения массовых источников. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1989. 1,0 п. л.
7. Моделирование в историческом познании: к вопросу об определении значимости корреляционных моделей // Перестройка в исторической науке и проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин. Тезисы докладов V Всесоюзной конференции. Киев, 1990. 0,2 п. л.
8. Значение ленинских идей о многоукладности развивающейся экономики для системного анализа мелкого производства в условиях НЭПа // Ленинское идейно-теоретическое наследие и современность. Тезисы докладов Республиканской научной конференции. Грозный, 1990. 0,2 п. л.
9. Сельские промыслы Урала в условиях НЭПа. Было ли эффективно мелотоварное производство? // Бирюковские чтения, 9-е. Тезисы докладов Уральской региональной конференции. Челябинск, 1990. 0,2 п. л.
10. Рыночная экономика 1920-х годов: факторы воспроизводства и эффективности промысловых хозяйств // Метод в историческом исследовании. Тезисы докладов Всесоюзной школы-семинара. Минск, 1991. 0,2 п. л.
11. Логика властного воздействия на промысловую психологию крестьян в 1920-е гг. (Проблема создания базы данных на основе законодательных и нормативных актов) // Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер" и Комиссии по применению математических методов и ЭВМ в исторических исследованиях при Отделении истории РАН. М., 1993. № 9. 0,2 п. л.

12. Психология крестьянства пред волей властного Олимпа в 1920-е годы // Власть и общество в России в первой трети XX века. Тезисы докладов республиканской межвузовской научной конференции. М., 1994. 0,2 п. л.

13. Факторы и этапы эволюции государственных притязаний к аграрно-промышленной сфере в 1920-е годы // Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер". М., 1994. № 10. 0,2 п. л.

14. С ориентиром на информационный прорыв: новый круг людей в среде фундаментальных идей // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". М., 1994. № 12. 1,1 п. л.

15. Власть, циркуляр, село. (Концептуальное обращение к законам и нормативным актам 1920-х гг. на принципах базы данных) // Круг идей: развитие исторической информатики. Труды II конференции Ассоциации "История и компьютер". М.: Изд-во "Мосгорархив", 1995. 1,2 п. л.

16. Состояние исторической информатики и диагностика ученого из Голландии // Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер". М., 1995. № 13. 0,25 п. л.

17. "Звездный час кустаря..." // Былое. История и опыт хозяйствования. М., 1995. № 4. 1,0 п. л.

18. Как повысить объективность контент-анализа? (Из опыта работы с комплексом правовых актов, регулировавших промыслы в 1920-е гг.) // Информационный Бюллетень Ассоциации "История и компьютер". М., 1995. № 14. 0,2 п. л.

19. Кустарное подспорье // Деловой Мир / Business World. 1995. 22 апреля. 1,1 п. л.

20. Поливариантность эволюции и управление хозяйственными процессами. (Парадигма обнаружения альтернатив развития на примере 1920-х годов) / Резюме на англ. яз. // Мир России / Universe of Russia. Социология. Этнология. Культурология. Т. IV. № 3-4. М.: Изд-во "Брандес", 1995. 4,1 п. л.

21. Материалы круглого стола "Экономическая история сегодня (по итогам XI международного конгресса экономической истории)" / Выступление // Экономическая история. Обзорение. Вып. I. М.: ЦЭИ при МГУ, 1996. 0,1 п. л.

22. Институциональный подход к эволюции правового регулирования аграрно-промышленной сферы в 1920-е гг. (Технология создания базы данных на основе агрегирования текстовой информации) // Государство и общество: традиции и новации. Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1996. 0,5 п. л.

23. Теоретико-информационные основы выявления исторических ситуаций альтернативности. (На примере динамической модели регулирования промысловой сферы России в 1920-е гг.) // Математические модели исторических процессов. М.: "АИК"/МГУ, 1996. 1,7 п. л.

24. Технология агрегированной репрезентации текстовой информации (в контексте источниковедческого обращения к правовым актам, регулировавшим промыслы в 1920-е гг.) // Источник. Метод. Компьютер. Барнаул: Изд-во АГУ, 1996. 1,0 п. л.

25. Найм труда и различия механизмов частного производства в промысловой сфере 1920-х гг. Отражательное моделирование и возможности оперативного управления экспериментом // Круг идей: модели и технологии исторической информатики. Труды III конференции Ассоциации "История и компьютер". М.: Изд-во "Мосгорархив", 1996. 1,2 п. л.

26. Статистическая модель путей макрорегулирования промысловой сферы в 1920-е годы (на основе текстовой информации нормативных актов) // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". М., 1996. № 17. 0,2 п. л.

27. Выступление на международной конференции "Менталитет и аграрное развитие России", июнь 1994 г. // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.) Материалы международной конференции. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996. 0,2 п. л.

28. A new method of revealing alternatives and bifurcation points in the management of macroeconomics processes: dynamic modelling of soviet economic regulation in the 1920s // Data modelling. Modelling history. XI International Conference of the Association for History and Computing. Moscow, 1996. 0,1 п. л.

29. Простейшие статистические приемы вскрытия каузальных связей в информации исторических текстов // Информационный бюллетень Ассоциации "История и компьютер". М., 1997. № 21. 0,2 п. л.

30. Банк машиночитаемой информации на основе комплекса актов, регулировавших промысловую сферу в 1920-е годы // Архивоведение и источниковедение отечественной истории. Проблемы взаимодействия на современном этапе. М.: Федеральная Архивная Служба России / ВНИИДАД, 1997. 0,2 п. л.

31. Факторы и альтернативы народнохозяйственной эволюции России // Экономическая история. Вып. 3. / под ред. Л. И. Бородкина. М., 1999. 0,1 п. л.

32. Роль промыслов в экономике 1920-х годов // Круг идей: Историческая информатика на пороге XXI века. Труды VI конференции Ассоциации "История и компьютер". М. - Чебоксары: Изд-во "Мосгорархив" / Изд-во Чувашского госуниверситета, 1999. 1,0 п. л.

Подписано в печать 04.05.2001 г. Формат 60х90 1/16.
Гарнитура Таймс. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 2,0. Заказ № 145. Тираж 100 экз.

Издательство «ЭКОН»
123329, Москва, ул. Ивовая, 2.
Лицензия ИД № 03866 от 30.01.2001 г.

